

ПРАВОВЫЕ ОЖИДАНИЯ, РАЦИОНАЛЬНОСТЬ, ПРАВОСОЗНАНИЕ: ГРАНИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

LEGAL EXPECTATIONS, RATIONALITY AND LEGAL CONSCIOUSNESS: THE FACETS OF INTERACTION

Елена Дмитриевна Барина,

*адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров Академии
Управления МВД России (г. Москва)*

Elena.barinova.1998@mail.ru

Ключевые слова:

правовые ожидания, рациональность,
правосознания,
обыденно-массовый,
профессиональный,
доктринальный уровни правосознания

В статье анализируется феномен «правовые ожидания» и выявляется его взаимосвязь с правосознанием субъектов правоотношений. Обосновывается подход к вопросу о разграничении правовых и неправовых ожиданий через признак рациональности. Приводится научно-теоретическое описание уровней правосознания, основываясь на котором представляется возможным обнаружить наличие или отсутствие признака рациональности применительно к правовым ожиданиям.

Keywords:

legal expectations, rationality,
legal consciousness, ordinary-
mass, professional, doctrinal
levels of legal consciousness.

The article analyzes the phenomenon of «legal expectations» and reveals its relationship with the legal consciousness of the subjects of legal relations. The approach to the issue of distinguishing between legal and non-legal expectations through the sign of rationality is substantiated. A scientific and theoretical description of the levels of legal consciousness is given, based on which it is possible to detect the presence or absence of a sign of rationality in relation to legal expectations.

Феномен «сознание» на сегодняшний день достаточно изучен как теоретико-правовой наукой, так и другими науками, но, несмотря на это, научные исследования в данном направлении не теряют актуальности. Теоретики права акцентируют внимание на исследовании взаимосвязи сознания с правовыми явлениями, пытаются определить роль сознания человека в правовой действительности и, как показывают исследования, последнему отводится первостепенное значение, поэтому наличие внутренней взаимосвязи сознания с правовыми явлениями общественной жизни позволяет уверенно говорить о наличии у каждого правосознания. И.А. Ильин утверждал, что «нет человека без правосознания, но есть множество людей с пренебреженным, запущенным, уродливым или даже одичавшим правосознанием. Правосознание как духовный орган, необходимый человеку, участвует, так или иначе, во всей его жизни, даже и тогда, когда человек совершает преступления, притесняет соседей, предаёт свою Родину и т.д., ибо слабое, уродливое, продажное, рабское, преступное правосознание остается правосознанием, хотя его душевное строение оказывается неверным» [1, с. 224]. Фундаментальные теоретические исследования правосознания берут начало с прошлого века и продолжаются по сей день по причине быстро меняющейся правовой действительности и переосмысления аксиологического аспекта права, что, безусловно, оказывает серьезное влияние на научные представления о нем, а исследованиями правовых ожиданий в отечественной науке занимаются сравнительно недавно, и пока что на уровне отраслевых юридических наук. Вызывает научный интерес интерпретация феномена «ожидание» другими, не юридическими науками. Например, в психологии существует определение «социальные ожидания», выступающие как «интегративное личностное образование, которое представлено в сознании личности в виде определенного образа еще не свершившегося события, на уровне которого отражается ценностно-смысловое и эмоциональное отношение личности к тем или иным ожидаемым событиям, тем самым определяющее мотивацию поведения» [4, с. 8]. Из определения видно, что ожидания представлены в сознании личности, потому что личность и сознание неотделимы друг от друга, через сознание человек усваивает, а потом интерпретирует явления существующей действительности, по поводу которых он может формировать определенные ожидания. Аналогичным образом происходит и с правовыми ожиданиями, разница лишь в том, что:

во-первых, правовые ожидания формирует не просто отдельно взятый человек, а субъект правоотношений, то есть лицо, имеющее субъективные права и сформировавшее по поводу их реализации ожидания, связанные с наступлением определенных событий или последствий в будущем;

во-вторых, правовые ожидания формируются в отношении не просто каких-нибудь абстрактных явлений, а только тех, которые имеют отношения к правовой жизни общества;

в-третьих, правовые ожидания представлены не просто в сознании человека, а в его правосознании поскольку явления, по отношению к которым они формируются, являются частью правовой действительности, а сам человек выступает субъектом правоотношений.

Таким образом, представляется интересным исследовать правовые ожидания субъекта правоотношений в контексте его правосознания. Но прежде необходимо пояснить, что правовые ожидания обладают признаком рациональности, который является их существенным отличием от неправовых. Акцентируем внимание на данном признаке в связи с тем, что на первый взгляд может показаться, что ожидания имеют правовой характер, потому что субъект при их формировании обращался к действующему законодательству, но неправильное уяснение смыслового содержания норм права в случае нереализации ожиданий, то есть наступления событий или последствий, на которые он не рассчитывал, не влечет юридических последствий, лишая ожидания рациональности и, как следствие, правового характера. Рассмотрение ожиданий во взаимосвязи с правосознанием позволит определить, отвечают ли они требованию рациональности для того, чтобы считаться правовыми.

Для достижения обозначенной выше цели представляется необходимым выделить уровни правосознания, к которым относятся массово-обыденный, профессиональный и доктринальный, и рассмотреть их научную характеристику, которая позволит сделать вывод о наличии или отсутствии правового характера ожиданий, которые могут формироваться на каждом из уровней, но в одном случае ожидания будут отвечать требованию рациональности для того, чтобы считаться правовыми, а в другом напротив.

Обыденно-массовый уровень правосознания.

Его характерной чертой является то, что оно способно выступать в качестве ориентира для человека в окружающей действительности (через сложившиеся представления о добре и зле, справедливости и т.д.), но не всегда данные представления способствуют глубокому пониманию правовых явлений и, следовательно, не всегда выступают в качестве ориентиров в сложившейся правовой действительности. Еще Ф. Энгельс, отмечая принципиальное различие между научным и обыденным сознанием, писал, что «здравый человеческий рассудок, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения, лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования» [3, с. 21]. Они чаще всего используются как оценочные критерии поведения другого субъекта, которое, с одной стороны, отвечает представлениям о справедливости, а с другой – может не соответствовать требованиям норм права. Обращение к данным представлениям при оценки правовых явлений связано с отсутствием теоретических знаний о праве, поэтому категорическое утверждение, что субъектам с обыденным правосознанием уровень правовых знаний, когда им необходимо обратиться к действующему законодательству, в большинстве

случаев позволяет точно уяснить смысловое содержание нормы права, будет являться неправильным. Из этого следует, что ожидания, основанные на неправильном понимании смысла, содержащегося в норме, будут носить ошибочный характер, а рациональность таких ожиданий в данном случае ставится под сомнение.

Профессиональный уровень правосознания.

Для него характерно наличие глубоких теоретических знаний о праве, которые дополняются практическим опытом работы в правовой сфере общественной жизни. Из этого следует, что наличие профессионального правосознания характерно для определенной категории лиц, занятых в сфере права, то есть для юристов. Слияние двух видов правовых знаний (теоретических и практических) образует атрибут профессионального правосознания, в качестве которого выступает профессионализм. Справедливо утверждение о том, что данное правосознание «в сущности, есть трансформация совокупности правовых предписаний в юридическое мышление уполномоченных субъектов, которым на практике обеспечивается переход от юридической нормы действующего законодательства к юридическому акту правоприменительной практики» [5, с. 24]. Профессиональное правосознание позволяет не просто оценивать отдельные правовые явления через совокупность представлений о праве, оно дает возможность проанализировать данные явления, используя в качестве оценочного критерия соответствие или несоответствие требованиям действующего законодательства, и принять соответствующее юридическое решение, основанное на теоретических правовых знаниях и практическом опыте, а также глубоком понимании существующей правовой реальности. Таким образом, характерные черты профессионального правосознания дают основание утверждать, что уровень содержащихся в нем правовых знаний достаточен для формирования рациональных ожиданий, основанных на правильном уяснении смыслового содержания нормы права.

Доктринальный уровень правосознания.

Доктринальное правосознание характеризуется тем, что помимо глубоких теоретических знаний для него характерно наличие абстрактных правовых категорий. Оно позволяет шире посмотреть на существующую правовую реальность за счет содержащегося в нем понимания права как системы принципов и ценностных оснований его действия. Если для профессионального правосознания характерно то, что его применение к правовым явлениям реализуется через принятия конкретного юридического решения, то доктринальное правосознание «характеризуется преобладанием позитивности в отражении государственного бытия (приобретающей форму идеологии), сочетающейся с активным же конструктивным отношением к политико-правовой действительности государства (приобретающим форму учений)» [2, с. 25]. Основанием доктринального правосознания является принцип формального равенства, на котором строится система права, законодательство, правоприменение, правосудие, в то время как профессиональное правосозна-

ние исходит из принципа ответственности, который реализуется в правоприменительной деятельности, а в массово-обыденном правосознании центральным является принцип справедливости, через призму которого оцениваются явления правовой сферы общественной жизни. Таким образом, доктринальное правосознание, основываясь на глубоком понимании ценностного содержания права, основных принципов его построения, способно более точно оценивать существующую правовую реальность и формировать в отношении данной реальности рациональные ожидания с долгосрочной перспективой ее дальнейшего изменения.

Правосознание и правовые ожидания, как видно из проведенного анализа, находится в тесной взаимосвязи, поскольку ожидания в самом общем смысле представляют мысленный образ какого-либо события, складывающийся в сознании человека, то правовые ожидания формируются в правосознании и связаны с явлениями правовой действительности. Но как уже упоминалось выше, не все ожидания, кажущиеся на первый взгляд правовыми, будут являться таковыми. Подробное изучение различных уровней правосознания поможет разграничить правовые ожидания от неправовых и в качестве такого разграничительного признака выступает их рациональность, наличие или отсутствие которой представляется возможным определить по глубине и объективности отображения правовой действительности, то есть по уровню правосознания.

Библиографический список

1. Ильин, И.А. Собрание сочинений. Т. 1 / И.А. Ильин. – М., 1996. – 401 с.
2. Малахов, В.П. Доктринальное правосознание: характерные черты и тенденции изменений / В.П. Малахов, С.С. Маилян, К.Е. Сигалов // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2017. – № 4 (40). – С. 21-27.
3. Маркс, К. Сочинения : в 30 т. / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2 изд. – М., 1954. – Т. 20. – 858 с.
4. Никулина, Е.В. Психологические детерминанты формирования конструктивных социальных ожиданий старшеклассников : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Е.В. Никулина. – Курск, 2005. – 20 с.
5. Чикалов О.В. Профессиональное правосознание: понятие, уровни, структурные элементы // Вестник Московского университета МВД России. – 2020. № 1. – С. 23-26.